

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

О МЕТОДАХ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Современный период развития мировой лингвистической науки характеризуется интенсивно ведущимися исследованиями в области ономастики. Исследования подобного рода ведутся не только в таких крупных странах, как США, Франция, ФРГ и т. д., но и в целом ряде малых стран (Финляндия, Швеция, Бельгия, Дания и т. д.). Большой интерес к ономастике наблюдается в странах народной демократии, особенно в Польше, Чехословакии и Болгарии. Литература по ономастике уже настолько велика, что об ономастике можно теперь говорить как о совершенно особой отрасли языкознания. В некоторых странах имеются специальные журналы¹. Для обсуждения проблем ономастики созываются специальные конгрессы. Повышение интереса к проблемам ономастики наблюдается в последнее время и в нашей стране, но нужно откровенно сказать, что этот участок языкознания у нас все же является исключительно запущенным.

В пределах небольшой статьи невозможно дать обзор всей огромной литературы по ономастике. Однако трудов, посвященных методике ономастических исследований, очень немного. Этим объясняется отчасти налйчие некоторых спорных вопросов именно в этой области. Нам и хотелось бы осветить только некоторые общие вопросы методики исследования топонимических и гидронимических названий, поскольку топонимика и гидронимика являются наиболее важными частями ономастики.

Каждый метод исследования всегда чем-то определяется. Методы исследования топонимики, по нашему мнению, могут определяться: 1) особенностями топонимики как части языка, 2) особенностями исторического развития топонимических названий, 3) состоянием исследуемого материала (известностью или неизвестностью языка создателей топонимики).

1. Особенности топонимики как части языка

Топонимические и гидронимические названия всегда создаются на базе языка. Для их создания используются слова, оформленные согласно бытующим в данном языке словообразовательным моделям, сложные слова, словосочетания и даже предложения. Ср. в русском языке такие названия, как *Сокол*, *Ильинское*, *Красный ключ*, *Петрокрепость*, *Камень на Оби*, *Пронеси господи*² и т. д. Таким образом, топонимика связана не только со сферой словообразования, она в известной степени захватывает и область синтаксиса.

Сходство топонимических моделей с обычными словообразовательными моделями, типами сложных слов, словосочетаний и предложений, пожалуй, ограничивается только этим. Далее начинаются существенные различия. Как только слово или словосочетание превратилось в название населенного пункта, местности, реки и т. п., оно сразу же становится именем собственным, и эта особенность за ним прочно закрепляется. Превращение слова или словосочетания в имя собственное озапачает вместе с тем

¹ Например, «Revue internationale d'onomastique» (Франция), «Onomastica» (Польша) и др.

² Название одного участка Военно-Грузинской дороги.

его изоляцию от остального языкового материала. Топонимическое название начинает себя вести особо. Прежде всего оно приобретает необычайную устойчивость. Могут исчезать с лица земли народы и их языки, но топонимические названия как своего рода имена собственные, ничего иного не обозначающие, кроме объекта, за которым закрепились, легко усваиваются другими народами и таким образом могут сохраняться в течение тысяч лет. Обычные слова языка нередко вытесняются иноязычными заимствованиями, в результате действия различных ассоциаций возникают новые слова, вытесняющие со временем старые. Подобные процессы в области топонимических названий не наблюдаются. Особенности исторического развития топонимических названий в значительной степени напоминают особенности исторического развития имен собственных.

Выше уже говорилось, что топонимика использует обычные словообразовательные модели и типы словосочетаний какого-либо конкретного языка, но отсюда было бы неправомерно делать вывод о полной зависимости топонимики от моделей данного языка. Топонимика способна создавать свои модели и слова, не бытующие в языке ее создателей. В русском языке, например, нет моделей сложных слов типа *Усть-Пинега*, *Устюг*, *Каменогорск*, *Кисловодск*, *Красноборск* и т. д.

Топонимика способна создавать по словообразовательным моделям конкретного языка такие слова, которые в данном языке вообще ничего не обозначают. В русском языке и его диалектах нет прилагательного *курейный*, но тем не менее в Ленском районе Архангельской области существует деревня *Курейная*, т. е. находящаяся около *курьи* (диалектное название речной старицы). Подобного рода слова, бытующие только в топонимических названиях, можно было бы назвать **топонимическими**.

Тесно связанная со словообразовательными моделями языка и моделями бытующих в нем словосочетаний, топонимика также обладает формульностью. Но формульность топонимики не тождественна формульности словообразования. Формульность словообразования определяется предметными категориями, названия которых образуют словообразовательные типы, тогда как формульность топонимики определяется в первую очередь категориальностью объектов наименования — село, деревня, город и т. п., а также их различными особенностями. Количество типов и формул в области топонимических названий более ограничено, тем не менее формульность топонимики — одна из ее наиболее существенных черт, о чем, к сожалению, очень часто забывают многие авторы работ по топонимике и особенно не в меру усердствующие этимологи. Рассмотрим некоторые образцы топонимических формул на конкретном языковом материале.

А. И. Бурхардт, специально исследовавший топонимику Чувашии, выделил 27 так называемых ключевых слов (*Grundwörter*), позволяющих всю чувашскую топонимику распределить по отдельным типам¹. Из них наибольшее распространение имеет слово *каса* «деревня» (собственно — деревенская улица, часть деревни) и слово *ял* «деревня», встречающееся главным образом у низовых чувашей². И действительно, в Чувашской АССР имеется довольно большое количество названий деревень, содержащих слово *касá*, например *Шоркасá*, *Ураскасá*, *Атмуллакасá*, *Арманкасá* и т. д. К числу основных слов Бурхардт отнесит также слова *сырма* «река», *күл* «озеро», *пасар* «базар», *ту* «гора» и т. д.

Подобные ключевые слова или индикаторы топонимических типов, как мы будем их называть в дальнейшем, можно выделить и в топонимике Марийской АССР. К ним будут относиться слова: *нур* «поле» (*Кугунур*, *Ломбенур*, *Колянур*, *Тайганур*, *Айбакнур*, *Масканур* и т. д.), *ял* «деревня» (*Торгъял*, *Вильял*, *Кожлаял*, *Шоргъял* и т. д.), *сола* «село» (*Семисола*, *Ядыксола*, *Кораксола*, *Памашсола* и т. д.), *тӱр* (*дӱр*)

¹ A. J. Burghardt, *Tschuwassische Ortsnamen*, Wiesbaden, 1957, стр. 19.

² Там же. (Слово *касá*, вероятно, обозначало первоначально вырубку; ср. чув. *кас* «резать», «рубить». — Б. С.)

«край» (*Пиньжедур, Юмдур* и т. д.), *мучаш* «конец» (*Нурмучаш, Ошламучаш* и т. д.), *эгер* «река» (*Кугенер, Куршенер, Веряшенгер* и т. д.). Другие индикаторы встречаются значительно реже¹.

Для топонимики Коми АССР индикаторами типов будут слова: *ыб* «поле» (*Вадыб, Вылиб, Пакиб, Кебыриб, Аныб* и т. д.), *шор* «ручей» (*Ниашор, Векшор, Гыркашор, Кыкшор, Пышор* и т. д.), *ёль* «ручей» (*Викторёль, Кортёль, Жакёль, Динёль* и т. д.), *дор* «край, берег» (*Югидтыдор, Курьадор, Коджувдор, Керосдор, Яздор, Тьдор* и т. д.), *вож* «разветвление реки или ручья» (*Ворвож, Асывож, Войвож* и т. д.).

В топонимике Удмуртской АССР в качестве индикаторов типов чаще всего выступают такие слова, как *гурт* «деревня» (*Малаягурт, Вукогурт, Сюрногурт, Котегурт* и т. д.), *вай* «разветвление реки или ручья» (*Тыловай, Сюрсовой, Уйвай* и т. д.), *луд* «поле» (*Кыйлуд, Гуртлуд* и т. д.).

В топонимике Карелии в роли индикаторов типов выступают такие слова, как *селькя* или *сельгя* «возвышенность», собственно «сина» (*Колатсельгя, Кяснясельгя, Терусельгя, Гомсельгя, Кяппесельгя, Нинисельгя* и т. д.), *салми*, в русской передаче *салма*, «пролив» (*Пиньгосалма, Лайдасалма, Лубосалма* и т. д.), *лахта* (*lahiti*) «залив, губа» (*Кинелакхта, саара* «гора» (*Суопасаара, Плакковаара* и т. д.)).

Такая же формульность наблюдается и в гидронимике. Так, например, для финно-угорских языков характерно наличие определенной типологической схемы: название реки чаще всего составляется из двух слов. Первый компонент — прилагательное или существительное, второй компонент — имя существительное, обозначающее реку. Ср. примеры.

Коми-зырянский язык. Названия рек: *Изью, Мелью, Сюзю, Видзю, Косью, Расью* или *Юсьва, Шаква, Созва*. Элементы *ю* и *ва* в этих названиях обозначают реку, например *Видзю* «луговая река»; ср. *видз* «луг».

Мансийский язык. Названия рек: *Перпя, Ейшья, Ворья, Толья, Волья, Турупья, Огурья, Мымья, Попуя, Шумья, Нюрумья, Лямля, Турья* и т. д., где компонент *я* обозначает реку.

Кольско-лапландский язык. Названия рек: *Нальмйок, Лимтайок, Каръяок, Чудзьок, Выхтьок*, где *йок* обозначает реку.

Марийский язык. Названия рек: *Музенер, Шоленгер, Лавраэнгер, Шурашэнгер* и т. д.; *эгер* в марийском языке обозначает реку.

Мордонский язык. Названия рек: *Инелей, Ускляй, Кирай, Перхляй, Пишляй, Новляй, Нерлей, Леплей* и т. д.; ср. эрзя-морд. *лей* «река», мокша-морд. *ляй*.

Финский язык. Названия рек: *Кемийоки, Сулуйоки, Калайоки, Пюхайоки, Каухайоки, Сикайоки, Аурайоки*, где *йоки* обозначает реку.

Хантыйский язык. Названия рек: *Несьёган, Харьёган, Муёган, Ламбеёган, Волдепъёган, Шоганъёган, Логасьёган, Тромъёган, Рытьёган, Собтыёган* и т. д.; *ёган* по-хантыйски «река».

Ненецкий (самоедский) язык. Названия рек: *Седъяла, Ярейяла, Харьяла, Падырьяла* и т. д., где *яла* означает реку.

По типу образования тюркская гидронимика довольно близка к финно-угорской. Ср. окончание рек на *чай* в Азербайджане — *Селенчай, Варзендчай, Самбурчай* и т. д. (*чай* — по-азербайджански «река»), многочисленные реки, оканчивающиеся на *сай* в Узбекской и Казахской ССР, например: *Сабырсай, Аксай, Ширсай, Зебонсай, Чинорсай* и т. д. Ср. также некоторые названия рек на *су* типа *Кара-су, Ак-су* и т. д., где *су* обозначает воду; типичные для верховья Енисея ойротские названия рек на *хем, кем*, например: *Улус-хэм* (или *Улус-кэм*), *Орта-кэм, Айлыг-кэм, Куйлус-кэм*².

¹ Топонимические названия даются нами по русским материалам. — В. С.

² См. Н. Ф. К а т а п о в, Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1903, стр. 287—288.

Русская топонимика обладает необычайным разнообразием, но и здесь могут быть установлены определенные типы. Значительное место в этой топонимике занимают названия населенных пунктов, представляющие прилагательные среднего рода, образованные от фамилий, например: *Нефедово, Карпово, Митяево, Сафоново, Воробьево, Плеханово* и т. д. Для среднерусской топонимики этот тип является абсолютно господствующим. Более редки названия следующего типа: *Александровское, Сибирское, Михайловское, Коровье, Троицкое, Мостовка, Сидоровка, Муравьиха, Мизалита, Волчиха, Осиновка, Каменка* и т. д. В Архангельской области определенно преобладает другой тип названий населенных пунктов, представляющий прилагательные женского рода, например: *Егоровская, Омельнская, Лобанская, Куликовская, Сторожевская, Фомина, Строговская, Спасская, Макаровская, Кондратовская, Климовская* и т. д. Населенные пункты, представляющие формы множественного числа, характерны главным образом для западных областей, например: *Смолевичи, Фоевичи, Красновичи* (Брянская область), *Зверовичи, Хиславичи, Теровичи* (Смоленская область). Таким образом, топонимика и гидронимика каждой страны и даже отдельных районов имеют свои специфические особенности.

Одна из характерных особенностей русской топонимики — в том, что хорографические названия в ней составляют очень незначительный процент. Другая ее отличительная черта — эллиптичность топонимических названий. Названия населенных пунктов обычно представляют эллипсисы, например *Сафоново* (т. е. село *Сафоново*), *Лобановская* (деревня *Лобановская*) и т. д. Так же и в русской гидронимике; ср. названия рек типа *Несочная* (Курская обл.), *Серая* (Владимирская обл.) и т. д.

Огромное количество эллиптических названий резко отличает русскую топонимику и гидронимику от топонимики и гидронимики соседящих неиндоевропейских языков. Это явление вполне закономерно и вытекает из структурных особенностей русского языка. Наличие родовых окончаний у прилагательного в русском языке позволяет легко определить, к чему оно может относиться. Например, название реки *Великая* делает ненужным дополнительное употребление слова *река*, так же как названия населенных пунктов типа *Чупрово, Сметанино* или *Ильинское* не вызывают необходимости употребления слова *село*. Создание эллипсиса в финно-угорских языках не давало бы такой ясности. Употребление в коми-зырянском названии реки *Расъю* одного слова *Рас* не давало бы возможности понять, к чему оно относится, так как *рас* обозначает просто «смешанный лес». Было бы затруднительно создание эллипсиса от названия реки и в Марийской АССР *Лавра энер*, буквально «грязная река», так как в этом случае было бы неясно, к чему относится прилагательное *лавра*. Оно может в одинаковой степени относиться и к речному дну, и к берегу и т. п.

Конечно, это не значит, что в финно-угорских, тюркских и им подобных по структуре языках эллиптические названия вообще невозможны. В Казахстане есть названия рек типа *Булбырты* «мутная», *Оленты* «травянистая». Название города *Алма-Ата* — *Алматы* буквально означает «яблочный (город)». Однако подобные образования не типичны.

Среди топонимических названий любой страны и области могут также встречаться названия, довольно необычные по своей архитектонике, не составляющие выдержанных типов, обладающих массовостью распространения; ср. название острова на Аральском море *Барса-Кельмес*, буквально: «Если уйдет, не придет». Кроме того, различной может быть и сама степень формульности. Топонимика и гидронимика Татарии менее формульна по сравнению с Марийской АССР, в Западной Европе она менее формульна, чем в Европейской части СССР, и т. д.

Приведенные ныне структурные топонимические формулы конкретных языков даны в одноплоскостном плане. В действительности топонимика и гидронимика каждой страны представляет смешение разных по времени образования топонимических пластов, принадлежащих разным

языкам и народам. Топонимика и гидронимика, рассматриваемые в плане исторической перспективы, имеют ярусное строение; например, в Карельской АССР явно обнаруживаются четыре гидронимических пласта, или яруса, — русский, карельский, лапландский и дофинноугорский.

Выше говорилось о том, что топонимические названия обладают необычайной устойчивостью. Многие процессы, вызывающие глубокие изменения в словарном составе языка, топонимике вообще не свойственны. Однако устойчивость топонимики относительна. Под влиянием действия различных факторов топонимические и гидронимические названия также могут изменяться, только эти изменения имеют свою специфику.

II. Особенности исторического развития топонимических названий

Топонимические и гидронимические названия, созданные одним и воспринимавшиеся другим народом, говорящим на другом языке, могут подвергаться так называемой фонетической адаптации. Так, например, при сравнении татарского названия города *Qazan* с соответствующим русским *Казань* можно установить, что задненёбное татарское *q* в русском языке передано через простое *к*, а огубленное глубокое *ä* передано через неогубленное русское *а*. Под влиянием названий типа *Рязань* конечное *н* получило палатализацию.

Название реки *Guadalquivir* в Испании восходит к арабскому *Wad-al-kebir* «большая река», собственно «долина реки»¹. В названии *Амдерма* опущено совершенно несвойственное не только русскому, но и многим другим языкам начальное заднеязычное *ɳ*, обычное для слов ненецкого языка (*Амдерма* — в ненецком языке *ɳamdarma*). В названии *Нарьянмар* при передаче ненецкого слова *mar'* опущен совершенно несвойственный русскому языку гортанный смычный.

В языках с сильно отличающейся фонетической системой искажения первоначального звучания оригинала могут быть очень значительными. В японском *Arusaka* трудно узнать Аляску, вряд ли кто сможет во вьетнамском *Ucoren* распознать Украину и уже совсем невозможно в китайском *lidza* распознать Ригу. Особый тип представляют искажения, возникающие в результате механической транслитерации названий с иноязычных карт; ср. *Гётеборг* и *Цейлон* (*Göteborg* произносится как *Jötebor'*, а англ. *Ceylon* произносится как *silon*).

Топонимические или гидронимические названия могут и не содержать в себе звуков, резко отличающихся от звуков языка воспринимающего, но непривычность самих сочетаний звуков может привести к искажениям. В бассейне реки Яреньги (Ленский район Архангельской области) имеется ручей, называемый русскими *Диндель*. Сопоставление этого названия со встречающимся в Коми АССР названием *Диньэль* (эль «ручей») позволяет установить, что первоначальное название *Диньэль* было русскими испорчено, откуда получилось *Диндель*.

Искажение топонимических и гидронимических названий может быть не только в результате фонетической адаптации, но и в результате действия новых фонетических законов. Сравнение названия города *Алатырь* с чувашским его наименованием *Улатар* показывает, что изменение первоначального *а* возникло вследствие превращения в чувашском языке *а* первого слога через промежуточную ступень *о* в *у*; ср. также название итальянского города *Orvieto* из лат. *urbs vetus*, т. е. «старый город»².

Разные фонетические законы, действующие в диалектах, также являются причиной неодинакового фонетического облика по сути одного и того же названия. Название реки *Иртыш* в одних диалектах хантыйского языка, где сохраняется глухое *л*, имеет форму *Ларал*; в других диалектах, где произошло превращение глухого *л* в *т*, оно получило форму *Тарат*.

¹ J. J. Egli, *Nomina geographica*, Leipzig, 1872, стр. 225.

² A. D a u z a t, *Les noms de lieux. Origine et évolution*, Paris, 1926, стр. 9.

Недалеко от города Ханто-Мансийска находятся три озера: *Эринский сор*, *Малькин сор* и *Энетор*. Элементы *тор* и *сор* в этих названиях генетически родственны и представляют диалектные разновидности одного и того же слова. *Тор* в среднеобском диалекте обозначает озеро, главным образом — озеро, возникшее на месте бывшего рукава реки или старицы; ср. мансийское *тур* «озеро», тогда как *сор*, усвоенное также местными русскими, восходит к более северным диалектам хантыйского языка, где оно звучит как *раг*¹.

Встречаются случаи, когда один и тот же язык может усваивать топонимические названия из разных диалектов. Название столицы КНР *Пекин* в некоторых старых русских документах известно в форме *Пежин*². Такой разницей объясняется тем, что форма *Пекин* проникла в русский язык (возможно, через посредство английского языка) из южнокитайских диалектов (ср. кантонск. *Peking* «Пекин»), тогда как форма *Пежин* отражает севернокитайское произношение *Pei-tiŋ*, *Bei-cziŋ* и т. д. (ср. монгольск. *Бээжин*). Поэтому знание диалектологии необходимо для каждого, занимающегося топонимическими исследованиями.

Топонимические и гидронимические названия отражают не только фонетические особенности диалектов, но также и диалектную лексику. Так, например, некоторые названия поморских сел Архангельской области оканчиваются на *целье* (*Долгоцелье*, *Белоцелье* и т. д.). У неопытного этимолога такое окончание может вызвать ассоциацию с русским словом *цель* в ее метафорическом употреблении, например «морской залив с высокими берегами». На самом деле это окончание восходит к диалектному слову *целья*, или *целье*, «крутой каменный берег» или «мыс»³.

Любопытным примером может служить название поселка *Соломенное* около Петрозаводска, происходящее от диалектного *соломя* «пролив», «залив» (ср. фин. и карел. *salmi*), но не от русского слова *солома*.

Около острова Колгуева (Северный Ледовитый океан) имеются названия двух отмелей — *Плоские кошки* и *Восточные кошки*. Вышеуказанные названия ничего общего не имеют с русским словом *кошка*, так как диалектное *кошка* «отмель» в севернорусских говорах возникло из лапланд. *kuašk* «отмель».

Если топонимическое или гидронимическое название усваивается каким-либо иноязычным народом, то в этих условиях данное название окажется вне действия фонетических законов того языка, откуда оно заимствовано, и может сохранить более древний облик. Сравнение восточномарийского *Ozaŋ* «Казань» с татарским *Qazan* свидетельствует о том, что говоры башкирских марийцев сохранили древнее заднеязычное *ɟ*, некогда существовавшее в этом названии, но утраченное татарским, чувашским и другими языками⁴. Сравнение немецкого названия города Пскова *Pleskau* с его русским названием заставляет предполагать бывшее наличие в этом названии *l*. Действительно, форма *Пльсковъ* засвидетельствована в летописях.

Изменение звукового облика топонимов или гидронимов может возникнуть вследствие приспособления непривычных звукосочетаний чужого языка к звукосочетаниям языка родного. В Ленском районе Архангельской области есть небольшое озеро, называемое *Тыкала*. Происхождение этого названия установить нетрудно, поскольку в коми-зырянском языке имеется слово *тыкола*, обозначающее «небольшое озеро». Однако русский язык невольно приспособил его к *тыкала* (форма 3-го лица ед. числа прош. времени жен. рода от глагола *тыкать*).

Нередки случаи изменения названий под влиянием так называемой

¹ Слово *тор* и русское диалектное *сор* чаще употребляются в значении заливного луга. — Б. С.

² По сообщению И. М. Ошанина.

³ По происхождению слово *целья*, вероятно, связано с ненец. *саял'* «мыс».

⁴ Н. Раasonen, Der Name der Stadt Kasan, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. VI, Hf. 1—3, 1906, стр. 113—114.

народной этимологии. Название села *Холмогоры* Архангельской области, по всей вероятности, произошло из карельского *Kolmevaara(a)*. Затем оно было включено в тип полупереводов с характерным окончанием *горы* (довольно многочисленных в Архангельской области, например: *Хаврогоры*, *Нисогоры*, *Карпогоры* и т. д.). Под влиянием второго составного элемента *горы* первая иноязычная составная часть была ассоциирована с русским словом *холм*, откуда современное *Холмогоры*.

Иноязычное название может быть не всегда удобным для восприимчивого, особенно если оно заметно отличается от распространенных в его языке типов. В таких случаях иногда наблюдается тенденция подогнать это название под какой-нибудь распространенный в данном языке тип. Наиболее показательным в этом отношении является название *Oseti*, восходящее к груз. *Oseti*; ср., например, грузинское название *Abkhazeti* «Абхазия». Поскольку в русском языке нет существительных на *и* в единственном числе, название *Oseti* было включено в более обычный в русском языке тип на *ия*, характеризующий названия стран (*Англия*, *Франция*, *Италия*, *Персия* и т. д.).

Название реки *Чусовая*, по всей видимости, возникло из первоначального *Чусва*, позднее *Чусова*. Такое предположение оправдывается тем, что в районе Чусовой и вообще в бассейне Верхней Камы много рек, оканчивающихся на *-ва*: *Косьва*, *Яйва*, *Язьва* и т. д. Название *Чусова*, очевидно, очень напоминало по своей форме краткое прилагательное, не типичное для русских гидронимических названий. Отсюда возникло стремление к включению его в ряд названий, представляющих по своей форме полное прилагательное типа *Моховая*, *Боровая*, *Великая* и т. д.

Морфологическая адаптация иногда осуществляется путем усечения данного названия. Интересный пример в этом отношении представляет русское название реки *Кодори* в Абхазии — *Кодор*, возникшее в результате отсечения конечного *и*.

В русском языке значительно чаще происходит изменение топонимических и гидронимических названий по аналогии. В Ярославской и Костромской областях встречаются названия деревень типа *Вороболово*, *Суболово* и т. д. Сопоставление их с некоторыми названиями населенных пунктов на *бол* или *бола*, типичных для бывших мерянских территорий, например *Пушбола*, *Брембола*, *Яхробол* и т. д., позволяет установить, что первоначальные формы этих названий *Воробол*, *Субол* и т. д. были включены в весьма распространенный тип названий русских деревень и сел на *ово*, например: *Сафоновово*, *Тушковово*, *Чирковово* и т. д.

В русской топонимике встречается тип названий населенных пунктов, представляющий по форме множественное число имен существительных. Ср. такие названия, как *Ватраки*, *Беляницы*, *Житницы*, *Ременницы*, *Рябинки*, *Рыбаки* и т. д. Русский язык иногда приспособливает к этому типу и иноязычную топонимику. Ср. такие названия, как *Кочемары*, *Кокшамары*, *Помары*. Сравнение их с соответствующими по типу названиями, встречающимися главным образом в Марийской АССР, например *Кокшамар*, *Пумар*, *Ляжмар*, *Паратмар* и т. д., показывает, что в русских названиях прибавлено окончание мн. числа *-ы*. Названия населенных пунктов Чувашской АССР *Елчѣк* и *Муркаш* получили в русской обработке форму *Яльчики* и *Моргауши*.

Возникновение формы множественного числа от названий иноязычного происхождения может быть результатом сложных процессов. В микротопонимике Архангельской области (Ленский р-н) имеется название *Ласты* (название сильно заболоченной местности). Оно, несомненно, происходит от коми-зырян. слова *ласта* «низкий сыроватый дуг». Слово *ласта* в русском языке может восприниматься по аналогии с другими словами русского языка в форме ед. числа. Поскольку заболоченные пространства могут простираться на многие десятки километров, на этом основании могла возникнуть форма мн. числа *Ласты*.

Иноязычное название может изменяться под влиянием других слов, попадая в определенные словосочетания. По окраине села Яренска (Ленский р-н Архангельской обл.) протекает речка *Кишера*, известная в документах XV в. и как *Кишор*, что указывает на коми-зырянское происхождение слова. Название *Кишера* могло возникнуть в словосочетании «речка *Кишор*», затем «речка *Кишера*».

Возможны более сложные случаи переделки топонимов и гидронимов. Название озера *Себентий*, или *Себентьевское* (Ленский р-н Архангельской обл.), несомненно, восходит к древнему коми-зырян. *Себенты*, где *ты* обозначает озеро; *Себенты* было переделано в *Себенти*. Дальнейшая ассоциация с именами типа *Ласрентий*, *Иннокентий* послужила толчком для возникновения прилагательного *Себентьевский* (*Себентьевское озеро*).

Могут быть случаи, когда топонимические или гидронимические названия сокращаются или, наоборот, удлиняются. Название реки *Шугор* (Коми АССР) представляет сокращение мансийского *Сокуръя* (из более древнего *Шокуръя*), т. е. «река, где водится щёкур» (название рыбы). Ср. хант. *сёгыр*; город *Старая Русса* в прошлом назывался просто *Руса*.

Топонимическое или гидронимическое название может исчезнуть. Ср., например, исчезновение наименований камско-булгарских городов *Булгар* и *Билар*, исчезновение названия греческой колонии *Диоскурия* на месте современного *Сухуми* и т. д. Встречаются случаи, когда топонимические названия на протяжении истории неоднократно меняются, например: *Орешек*, *Шлиссельбург*, *Петрокрепость*, *Царевококшайск*, *Краснококшайск*, *Йошкар-Ола* и т. д. Иногда прежнее название сохраняется в некоторых производных названиях. *Гледенский монастырь*, находящийся недалеко от гор. Великого Устюга (Вологодск. обл.), свидетельствует о наличии в прошлом на месте этого монастыря города *Гледена*, что подтверждается данными летописей.

Встречаются некоторые любопытные случаи, когда название, созданное каким-либо народом, у него исчезает, но сохраняется в языке другого народа. Название *Урал*, вероятно, заимствовано русскими от древних вогулов (манси). *Ур ала* по-мансийски «гребень горы». Но сейчас в мансийском языке *Урал* называется *Нёр*, у хантов *Кев* (буквально «камень»).

Один и тот же населенный пункт, река или озеро у разных народов может называться по-разному. Ср. нем. *Wien* «Вена», но венг. *Bécs*; русск. *Обь*, по хантыйское и мансийское *Ас*, ненец. *Саля ям'*; русск. *Иртыш*, по хантыйское (среднеобский диалект) *Тарат*; русск. *Выгеда*, по коми-зырян. *Эжса*; русск. *Сосьва*, по мансийск. *Таз*; русск. *Волга*, по эрзя-мордов. *Рав*, лугово-марийск. *Юл*, татар. *Идел*; русск. *Марпосад*, по чуваш. *Сёнтьёр Вәрри* и т. д.

Топонимические и гидронимические названия в разных языках могут звучать близко, но не совсем одинаково. Ср. русск. *Енисей*, ненец. *Енься ям'*; русск. *Кокшага*, марийск. *Какшан*; русск. *Кама*, удмурт. *Камшур*; удмурт. *Агрыз*, татар. *Эгерже* и т. д.

Топонимические и гидронимические названия могут представлять переводы соответствующих названий с другого языка. Арм. *Midzagetk* является переводом греч. *Μεσσηποτάμια*, которое, в свою очередь, является переводом вавилон. *Aram Naharaim*, т. е. «Сирия между двух рек»¹. В некоторых случаях возникают полупереводы, когда первая составная часть названия остается иноязычной, а вторая часть переводится. Особенно много таких полупереводов в Карелии, а также в Архангельской и Вологодской областях, например в Карелии: *Сяргозеро*, *Укшозеро*, *Рувозеро*, *Тикшозеро*, *Пулозеро*, *Кескесручей*, *Ропручей*, *Юккозуба*, *Пуйгуба*, *Кудамазуба*, *Саригора*, *Виллагора* и т. д. Известны случаи, когда на другой язык переводится не вторая, а первая часть названия, например в Марийской АССР *Кугу Ломбенур* «Большой Ломбенур».

¹ См. R. Kleinpaul, *Länder- und Völkernamen*, Leipzig, 1910, стр. 21.

Вместе с носителями языка топонимические, а также гидронимические названия могут переноситься, иногда на довольно большие расстояния. Ср. название реки *Тойма* — приток Камы — и названия двух рек, впадающих в Северную Двину: *Верхняя Тойма* и *Нижняя Тойма*. Название реки *Ижма* в бассейне Ветлуги перекликается с названием реки *Ижма* в бассейне Печоры; ср. также название реки *Ижма* в бассейне Северной Двины. Название реки *Икша* в бассейне Ветлуги перекликается с названием населенного пункта *Икша* в Московской области. Ср. также название реки *Урдома* — приток Волги — и название населенного пункта *Урдома* на Нижней Вычегде.

Изменяются не только отдельные топонимические названия, но и сами типы топонимических названий; например, в русской топонимике старые типы названий деревень и сел в настоящее время непродуктивны. Названия типа *Каразаево*, *Ильинское* у новых населенных пунктов почти не встречаются. Наблюдаются смены типов и в области гидронимии.

Некоторые языковеды предполагают, что все современные топонимические и гидронимические названия искажены, представляют результат фонетической и грамматической адаптации, подверглись изменениям под влиянием народной этимологии, в результате всевозможных сокращений, усечений и т. д. Позволим себе с этим мнением не согласиться. Все вышеперечисленные явления в огромном большинстве случаев не имеют характера непреложно действующих законов. Это лишь потенциальные возможности изменений под влиянием действия различных факторов. Фонетическая адаптация возможна, но она может оказаться совершенно неодинаковой. Показательным здесь может быть изучение адаптации звуков чувашского языка при усвоении русскими чувашских топонимических названий. Звук *ç* (палатализованное *s*), содержащийся в чувашских названиях *Çавал* и *Çемёрлэ*, в одном случае передан через русск. *ц* (*Çавал* — *Цивиль*), а в другом — через русск. *ш* (*Çемёрлэ* — *Шумерля*). В топонимическом названии *Йёпреç* этот же звук передан через русское *с* — *Ибреси*. Точно так же чувашское редуцированное *ё* в одних случаях передается через русск. *у* (например, *Çемёрлэ* — *Шумерля*), в других — через русск. *ы* (например, *Сётёр* — *Сундырь*) или через *я*, *и* (например *Ёлчэк* — *Яльчики*) и т. д.

Точно так же грамматическая адаптация не всегда дает одинаковые результаты, не говоря уже о том, что она не всегда осуществляется. Так, например, мерянские населенные пункты, оканчивающиеся на *бол*, в одних случаях остаются без изменения (*Яхробол*, *Искробол*), в других случаях подводятся под тип склонения существительных жен. рода на *-а* (например, *Брембола*, *Пушбола*), в третьем случае подводятся под тип названия населенных пунктов на *-ово* (например, *Шихобалово*).

А. П. Дульзон, по нашему мнению, совершенно неправ, когда он утверждает, что на среднем Чулыме окончание рек на *-са* возникло из слова *суз* «река»; *-да*, *-та* — из суффикса *-тыг*; *-ла* — из суффикса *-лыг*; *-га* — из *-гъ*, *-гы*, *-гу*; *-ка* — из *-ке*, *-кы*, *-к*¹. Такого единообразия быть не могло. Сам А. П. Дульзон уклонился от детального доказательства выдвинутого им тезиса.

Народные этимологии, усечения, переводы и полупереводы, исчезновение одних названий и замена их новыми возможны, но не обязательны. Стихийность и отсутствие строгой плановости являются наиболее характерной чертой всех этих изменений. Исследователь топонимики и гидронимики должен прежде всего учитывать все возможные случаи изменения топонимических названий, уметь этимологизировать, выявлять случаи фонетической и грамматической адаптации,

¹ См. А. П. Дульзон, Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения, ВЯ, 1959, № 4, стр. 39.

изменений названий в результате влияния народной этимологии, учитывать возникновение новых фонетических законов в языках и их диалектах, изучать диалектную лексику, устанавливать переводы с одного языка на другой, широко использовать в качестве источников различные карты, летописи, писцовые книги, архивные документы, фольклорные материалы, легенды, предания, должен, наконец, хорошо знать типологию образования топонимов и гидронимов в конкретных языках. Но все это относится только к содержанию исследований. Методика же топонимических исследований должна выяснить, как нужно это делать. Рассмотрим более детально некоторые из этих приемов.

1. Этимологизирование

Ни одно современное исследование топонимики не обходится без попыток этимологизирования гидронимических и топонимических названий. Тем не менее методика этимологизирования является меньше всего разработанной.

А. П. Дульзон утверждает, что «топонимы всегда составляют особый разряд слов языка, и поэтому их анализ должен полностью подчиняться обычным правилам этимологических исследований»¹. Основная ошибка многих исследователей в области топонимики как раз и состоит в том, что, подчиняя анализ топонимов обычным правилам этимологических исследований, они начинают этимологизировать, как говорится, вкривь и вкось. Хорошим этимологом в этой области может быть только исследователь, хорошо изучивший структуру и типологию образования топонимов и гидронимов в различных языках, четко представляющий, какие слова языка могут фигурировать чаще всего как составные части этих названий. Без такого предварительного условия всякая этимология рискует быть обреченной на неудачу.

Из-за нарушения этого основного правила топонимическая литература буквально кишит крайне неудачными этимологиями. Приведем несколько примеров. М. Кастрен, пытаясь расшифровать название одного из рукавов Северной Двины *Уногра*, разлагает его на две части: *уна* (коми-зырян. *уна* «много») и *гра* = русск. *гора*². Этимология явно неудачна, так как слово *гора* в названии рукавов рек обычно никогда не встречается. Еще более невероятным представляется сопоставление М. Кастреном названия реки *Песа* с финским словом *pesä* «гнездо»³.

Не менее странно выглядят этимологии названий рек русского Севера, предложенные А. Соважо. Река *Тегра* — это фин. *tägräs* «обрывистый берег», река *Нылга* сопоставляется с марийск. *нулго* «пихта», река *Сура* сопоставляется с мордовским словом *сюра* «рог». Ср. коми-зырян. *сюр*, фин. *sarvi* и т. д.⁴.

Подобные этимологии, к сожалению, в изобилии встречаются в работах М. Фасмера по русской гидронимике. Ср. предложенные им некоторые этимологии рек Костромской области: *Яхта* = марийск. *jäktä* «сосна»⁵, *Ширенга* = марийск. *šerengga* «плотва», *Шуда* = марийск. *šudä* «травя»⁶, *Нельша* = марийск. *nelšä* «заглатывающий»⁷, *Шунга* = марийск. *šüngä*

¹ См. там же, стр. 37.

² M. A. Castrén, Nordische Reisen und Forschungen, V — Kleinere Schriften, St. Petersburg, 1862, стр. 96.

³ Там же, стр. 105.

⁴ A. Sauvageot, A propos de certains noms de lieux de Russie septentrional, «Ural-altaische Jahrbücher», Bd. XXX, 1958, стр. 4, 5, 6.

⁵ M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas, «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, XIX, Berlin, 1935, стр. 539.

⁶ Там же, стр. 540.

⁷ Там же, стр. 542.

«маленький холм»¹, *Пекша* = марийск. *pikš* «стрела»², *Уста* (правый приток Ветлуги) = марийск. *üštä* «холодный»³.

Этимологии этого рода встречаются и у А. И. Попова, который название реки *Пекша* сопоставляет с эрзя-мордовским словом *пекше* «липа»⁴. Окончание *ма* в многочисленных названиях рек типа *Вязьма*, *Клязьма*, *Шошма* и т. д. А. И. Соболевский связывал с окончаниями прилагательных индоевропейских языков на *ima*, например с греческим *φρόνιμος*⁵.

Авторы предложенных этимологий не учитывают, что названия рек типа *Рог*, *Обры*, *Низма*, *Плотва* для гидронимии не типичны. Будучи глубоко убеждены, что древняя гидронимика Севера могла принадлежать только финно-уграм, они упускают из виду тот факт, что голые существительные, прилагательные и причастия для финно-угорской гидронимии совершенно не типичны. Кроме того, они сбрасывают со счета так называемые «речные» суффиксы, свидетельствующие о вхождении этих рек в определенный гидронимический ареал.

Вообще нужно заметить, что многочисленные попытки этимологизации названий, принадлежащих мертвым и неизвестным языкам, редко бывают удачными, поскольку они производятся наугад. Для одного и того же названия может быть предложено несколько толкований, и все они могут быть одинаково неверными. Например, название Москвы может быть истолковано при помощи слов коми языка *мӧс* [к] «корова» и *ва* «вода», «река» как *коровья река*. С не меньшей легкостью это же название можно истолковать при помощи марийского слова *маска ава*, т. е. «медведица».

Наиболее удачной следует считать этимологию, подтверждаемую сразу целым комплексом различных данных. Примером исключительно хорошего этимологизирования может служить этимология названия полуострова *Декан*, приводимая в упомянутой выше книге Р. Клейнпауля. Правильное описание *Декан* представляет уступку английскому языку, поскольку *Декан* произносится как «Дакан», восходящее к более древнему *Dakhan*. *Dakhan*, в свою очередь, представляет сокращение древнеиндийск. *Dakshina-patha*, что обозначает «путь направо» или «южный путь» (*dakshina*, *daksha* идентично греч. *δεξιός* и лат. *dexter* «правый»; *patha* «путь» соответствует греч. *πάθος*, нем. *Pfad* и англ. *path*). *Dekan* обозначает собственно южную страну. Европейцы, поселившиеся в Восточной Индии и завоевавшие долину Ганга, прибыли в Индию с северо-запада. Юг у них был с правой стороны. Название *Декан* в форме *Δακτυνάβητος* встречается в греческом корабельном журнале «Перипле», автор которого упоминает о том, что *Dachan* на языке туземцев означает юг⁶.

Как можно видеть, для объяснения названия *Декан* этимолог приводит целый комплекс различных данных. Здесь учтена орфография, приведены сведения из истории, сделаны ссылки на литературные источники, привлечены слова древнеиндийских и новоиндийских языков, установлена их связь со словами родственных индоевропейских языков.

2. С о б и р а н и е и к л а с с и ф и к а ц и я т о п о н и м и ч е с к о г о м а т е р и а л а

Собирание топонимического материала должно вестись фронтально, путем использования современных достаточно подробных карт и опроса местного населения. Так может быть составлена картотека, отражающая современное состояние топонимии и гидронимии данного района.

¹ М. Vaster, указ. соч., стр. 551.

² Там же, стр. 566.

³ Там же, стр. 576.

⁴ См. А. И. Попов, Топонимическое изучение Восточной Европы, «Уч. зап. [ЛГУ]», № 105. Серия лингвист. наук, вып. 2, 1948, стр. 104.

⁵ См. А. И. Соболевский, Названия рек и озер русского Севера, ИОРЯС, т. XXXII, 1927, стр. 11.

⁶ См. R. Klei n p a u l, указ. соч., стр. 18.

Возможно также создание специальных работ и монографий, посвященных характеристике современного состояния топонимики и гидронимики.

Собранный таким образом материал может быть изучен с разных точек зрения. Можно изучить его с чисто лингвистической точки зрения путем выявления словообразовательных моделей и словосочетаний, использованных для построения топонимических и гидронимических названий с одновременным учетом их специфических особенностей и семантической характеристикой.

После того как будет произведен синхронный срез, собранный материал рассматривается уже в историческом плане с привлечением исторических документов, старых карт, фольклорных материалов и т. д. Подобное изучение даст возможность производить глубинные срезы, дающие характеристику топонимического и гидронимического материала в разные исторические эпохи. Полученный материал и выводы открывают новые перспективы исследования. Может быть исследована динамика исторического развития структурных моделей и типов топонимических и гидронимических названий, создастся возможность для выявления «структурных изоглосс» и изучения причин их появления, а также причин появления новых структурных моделей. При изучении топонимики и гидронимики нескольких областей или нескольких стран, несомненно, обнаружатся структурные изоглоссы, захватывающие несколько ареалов. Семантическая характеристика глубинных топонимических срезов создаст возможности проведения исследований в области исторической семантики топонимов.

Эти общие принципы, конечно, не исключают возможности исследования отдельных топонимов и гидронимов, но даже в этих случаях исследователь не должен терять общий фон, он обязан учитывать общие специфические особенности гидронимических и топонимических названий данного района в целом.

3. Установление фонетических и грамматических адаптаций, а также первоначального облика слов, подвергшихся искажению

Установление фонетических и грамматических адаптаций, а также первоначального облика слов, подвергшихся искажению, требует хорошего знания особенностей языка-оригинала и языка-адаптора, в особенности их фонетического и грамматического строя. Знание этих особенностей позволит найти действительный импульс, приведший к адаптации, незнание их ведет к ошибкам. Так, например, утверждение некоторых языковедов о том, будто бы названия рек русского Севера с исходом на *-ма*, *-га*, *-ша*, *-са*, *-да* и т. д. являются результатом морфологической адаптации, нам не кажется убедительным. Если бы даже все они имели исход на согласный (например, *-м*, *-г*, *-ш*, *-с*, *-д* и т. д.), в русском языке не было бы стимулов к морфологической адаптации, поскольку в нем существует тип склонения существительных мужского рода на согласный типа *стол*. Эти названия легко могли бы быть подведены под данный тип склонения. Кстати, нужно сказать, что этот тип в гидронимике существует, ср. названия *Шиес*, *Юг*, *Нондрус* и т. д. Не менее легко включаются в тип склонения существительных женского рода на *-а* топонимы с исходом на *-га*; ср. в нижневыхгодских говорах: *Ходили грести Воргу* (коми-зырян. *ворга* «болотистая ложбина»). Адаптации в названиях рек на *-ма*, *-га*, *-ша*, *-та* и т. д. могли носить только единичный и случайный характер.

Иногда оказывается возможным до некоторой степени восстановить подвергнувшееся искажению название по его производным. Название острова Цейлон (англ. *Ceylon* = *si'lon*) представляет сильно испорченное древнее название этого острова *sinhala*, которое, в свою очередь, возникло из *sinhala dvipa*, т. е. «Львиный остров»¹. Однако название жителей острова *sinhalese* «сингалезы» лучше сохраняет древнее название острова.

¹ J. J. E g l i, *Nomina geographica*, стр. 109.

Испорченное название реки можно восстановить, если она входит в гидронимический ареал, характеризующийся так называемыми «речными» суффиксами; например, название реки *Ёртом* (Нижняя Вычегда) возникло из *Ёртомь*, поскольку в данном ареале есть реки типа *Уктым*.

А. П. Дульзон утверждает, что название реки *Икса* в бассейне средней Оби «восходит к обско-тюрк. йиксу»¹. Для доказательства этого положения следовало бы привести реки на *-су*, находящиеся в данном ареале. Однако А. П. Дульзон этого не сделал, и его тезис остается недоказанным.

4. Использование данных летописей, архивов, старых документов и фольклорных материалов

Данные летописей, архивов и старых документов могут дать топонимисту очень много и позволят уточнить сделанные им ранее выводы. Так, например, *Онежское озеро* в летописях называлось *Онѣго* или *Ониго*; *Ладожское озеро* называлось *Нево*; озеро *Ильмень* в старых документах выступает в форме *Ильмерь*, что обнаруживает финно-угорское происхождение этого названия (*er* «озеро»; ср. фин. *järvi*, марийск. *er*) и т. д.

Современное коми-зырянское название Сольвычегодска *Совдор* в Вычегодско-вымской летописи, в записи, датированной 1385 г., выступает в форме *Солдор* («Устюжане побили новгородцов под Черной рекой под Солдором»²). Эти данные позволяют установить, что *л* в конце закрытого слога в нижневыхегодских говорах коми-зырянского языка в XIV в. еще не переходило в *е*. Подобных фактов можно было бы привести множество. Однако следует заметить, что данным летописей и старых документов не следует доверяться слепо. Работа над этими данными должна быть по существу критикой текста. Необходимо сверять сразу несколько данных с целью выявления индивидуальных ошибок писцов, случайных описок, результатов влияний различных говоров и т. д. Так, например, современное название села *Яренска* на Нижней Вычегде в старых летописях выступает в форме *Еренский городок*, а протекающая недалеко от него река *Яреньга* именуется *Еренгой*. Исследователь не должен в данном случае торопиться с выводами, так как в говоре местного населения имеется склонность к произношению *е* вместо *я*, например *едрёный* (т. е. «сильный, здоровый») вместо *ядрёный*, *разъериться* вместо *разъяриться* и т. д.

Еще большая осторожность должна быть проявлена при использовании народных этимологий, легенд и т. п. Наилучшие результаты и здесь может дать комплексный метод исследования.

III. Зависимость методов топонимических исследований от состояния исследуемого материала

Исследование топонимов и гидронимов дает наибольший эффект главным образом тогда, когда язык создателей этих названий оказывается известным. Знание языка позволяет в более или менее полной мере выявить фонетические и грамматические адаптации, установить различные искажения, корректировать данные документов и т. д. Но могут быть случаи, когда язык народов, создавших топонимические названия, неизвестен. Перед нами оказываются мертвые реликты некогда существовавших языков, конкретное значение которых мы определить не можем. Предлагаемые исследователями этимологии этих названий могут быть в одинаковой мере как верными, так и неверными. Единственным методом в такого рода случаях может быть выявление закономерно повторяющихся суффиксов, представлявших некогда нарицательные слова.

¹ А. П. Дульзон, указ. соч., стр. 36.

² «Документы по истории коми», «Историко-филологич. сборник», вып. 4. Сыктывкар, 1958 стр. 260.

Интересное замечание на этот счет мы находим у А. И. Соболевского: «В окончаниях можно предполагать потомство нарицательных имен неизвестных нам (пока?) языков, именно: в названиях рек — нарицательных с значением: река, вода (срв. тюркские названия рек с окончанием *чай*, *су*, финские с окончанием *joki*, *vesi* и т. п.), в названиях озер — нарицательных с значением: озеро, море, вода (срв. немецкие названия с окончанием *see*, финские с окончанием *järvi*; срв. также русские названия населенных мест: *Новгород*, *Белгород*, *Звенигород*, *Райгород*, *Кайгород*, *Давид-городок* и т. д.; из них первое повторяется на карте России несколько раз) и т. д.»¹.

В исследованиях по топонимике этот метод применяется сравнительно давно. В. Б. Шостакович, исследуя названия рек Сибири, установил 30 групп «речных» суффиксов, из которых многие принадлежат совершенно неизвестным языкам, например суффикс *-ым*: *Пелым*, *Казым*, *Чулым*, *Назым* и т. д.; суффикс *-ба*: *Буйба*, *Солба*, *Нойба*, *Козырба*, *Куреба* и т. д.². Тем же методом пользовались П. Кречмер и Г. А. Капанцяп, выделявшие в топонимике Малой Азии такие аффиксы, как *-anda* (*-unda* / *-inda*), *-sa* (*-ssa*), *-m* (*-ma* / *-mi*), *-itha* (*-ithi*) и т. д.³. Его применил финский лингвист А. Каннисто в статье «Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung»⁴; ср. также нашу статью «Волгоокская топонимика на территории Европейской части СССР»⁵.

Некоторые исследователи топонимики (А. П. Дульзон, А. Соважо, А. И. Попов и др.) относятся к применению этого метода весьма скептически. Основным его недостатком А. П. Дульзон считает неверное общее положение, что «все звучащее одинаково представляет собой одно и то же... конечные элементы топонимов одного района (*-га*, *-ма* и т. д.) могут иметь совершенно иное происхождение, чем равнозвучные исходы топонимов другого района»⁶. Этот аргумент мог бы быть весомым лишь в том случае, если бы А. П. Дульзону, А. Соважо, А. И. Попову и другим противникам указанного метода удалось доказать, что сотни окончаний названий рек, например на *-ма* и *-га*, имеют разное происхождение. Доказать это им не удается, поэтому основной их аргумент остается гласом вопиющего в пустыне.

В защиту метода можно было бы привести следующие соображения: 1) адаптация имеет стихийный и нерегулярный характер. Поэтому сотни названий не могли одновременно подвергнуться адаптации⁷; 2) если бы реки на *-ма* и *-га* оканчивались в языке создателей этой гидронимии на согласный, то и в этом случае не было бы стимулов для адаптации⁸.

Приводимые А. П. Дульзоном примеры названий рек *Лымбылька* из селькуп. *Лымбылькы*⁹ и *Ванджылька* из селькуп. *Ванджылькы*¹⁰ не могут опровергнуть гипотезу о единстве происхождения «речных» суффиксов *-га* и *-ка* в Европейской части СССР.

А. П. Дульзон даже не проверил, так ли ведет себя суффикс *-ка* в адаптированных названиях типа *Лымбылька* и *Ванджылька*, как он ведет себя

¹ А. И. Соболевский, Как исследовать местные названия?, ИОРЯС, т. XXIII (1918) кн. 1, 1919, стр. 184.

² В. Б. Шостакович, Историко-этнографическое значение названий рек Сибири, сб. «Очерки по земледелию и экономике Восточной Сибири» (ИЗВ. Вост.-Сиб. отдела Русск. географ. об-ва), т. XLIX, Иркутск, 1926.

³ См.: Р. Кретшмер, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896; Г. р. Капанцяп, Историко-лингвистические работы, Ереван, 1956, [обл. 1957] (см. статью «Суффиксы и суффиксированные слова в топонимике древней Малой Азии»).

⁴ См. «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XVIII, Hf. 1—3, 1927.

⁵ См. ВЯ, 1955, № 6.

⁶ А. П. Дульзон, указ. соч., стр. 36.

⁷ См. стр. 44 настоящей работы.

⁸ См. стр. 47 настоящей работы.

⁹ А. П. Дульзон, указ. соч., стр. 37.

¹⁰ Там же, стр. 40.

в названиях рек европейского Севера. Факты в данном случае говорят против А. П. Дульзона. В названиях рек европейского Севера суффикс *-ка* никогда не выступает после носовых сонорных или звонких согласных (ср. *Волга, Куданга* и т. д.), тогда как русский суффикс *-ка* этому правилу не подчиняется (ср., например, названия рек *Казанка, Чебоксарка* и т. д.). Это говорит о том, что указанные закономерности в гидронимике европейского Севера сложились в языке-оригинале, а не на русской почве. Отдельные случайные совпадения возможны, но они могут быть определены. В целом развенчать этот метод пока никому не удалось.

IV. Зависимость методов исследования топонимических и гидронимических названий от целей исследования

Изучение топонимических и гидронимических названий может представлять интерес для языковеда, историка, этнографа и археолога. Значение этих данных для изучения истории языка часто чрезмерно преувеличивается. Для историка языка они дают вообще мало, но это немногое может быть иногда очень интересным. Подобно сложным словам, топонимические и гидронимические названия могут заключать в себе в законсервированном виде слова, в настоящее время исчезнувшие из языка.

Общефинноугорское название камня в современном коми-зырянском языке исчезло. Ср. фин. *kivi*, мордов. *kev*, марийск. *kü*, венг. *kő*, но коми-зырян. *из*. Слово *из*, вероятно, первоначально обозначало кусок камня, которым растирали в каменной ступке зерна, откуда глагол *изны* «молоть». Позднее оно приобрело обобщенное значение и вытеснило более древнее название камня *ки*, сохранившееся в составе сложного слова *изки* «жернов». Однако название реки *Кишера* (бассейн Нижней Вычегды) из *Кишор* свидетельствует, что некогда слово *ки* имело самостоятельное значение камня (*Кишор* обозначает «каменистый ручей»).

Названия населенных пунктов *Бутырки* и *Ворыпаево* нельзя объяснить при помощи слов современного русского языка. В старом русском языке *бутырками* назывались дома, стоящие особняком, на отшибе¹. Название *Ворыпаево* происходит от ныне уже неупотребительного имени *Ворытай*, образованного от слова *вороп* «разбой», «грабёж», «насилие»².

Топонимические названия иногда могут содержать специфические значения слов, в современном словаре уже не сохранившиеся. Название деревни *Пятницкое сельцо* может показаться неискушенному этимологу уменьшительно-ласкательной формой от слова *село*. Между тем прежде *сельцом* называлось село, которое не было церковноприходским центром.

Лингвиста может интересовать в топонимике и гидронимике главным образом их лингвистическая сторона. Для историка топонимика интересна прежде всего как источник истории заселения данного края; его больше интересует не лингвистическая сторона, а последовательность смены топонимических названий и причины их возникновения. Известный интерес для историка представляет также вопрос о топонимических ареалах, свидетельствующих о движении населения. Археолога будет интересовать вопрос о соответствии топонимических ареалов и топонимических ярусов археологическим культурам. Этот же вопрос является важным и для этнографа.

Устанавливаемые языковедами топонимические ареалы и ярусы являются хорошим средством против распространения некоторых чрезмерно фантастических гипотез в области археологии и исторической этнографии.

Методы изучения топонимических названий необычайно разнообразны, но в основе этого разнообразия несомненно лежат некоторые общие принципы.

¹ См. А. М. Сел и щ е в, Из старой и новой топонимии, «Сборник статей по языковедению», т. V, М., 1939, стр. 143.

² Там же, стр. 127.